

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС

**ЧИТАЙТЕ
В НОМЕРЕ:**

**Н. С. Хрущев и третья
Программа КПСС**

●
**Марксизм о социальной
справедливости**

●
**Процессы стабилизации
в Узбекистане**

●
**О I Всероссийском съезде Советов
(рассказ участника)**

●
Корниловщина: от заговора к краху

●
**Л. Г. Дейч: воспоминания
о Плеханове**

●
Профинтерн: взгляд по-новому

●
Предыстория «Краткого курса»

●
**Политическая история: программа
партии кадетов**

8

АВГУСТ

1991

Дом Плеханова — сектор Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), образованный в 1928 г., хранит архив и библиотеку Г. В. Плеханова, архивы В. И. Засулич, П. Н. Милокова, П. Б. Струве и ряда других видных общественных и политических деятелей России.

Публикуемая впервые рукопись Льва Григорьевича Дейча (1855—1941), одного из основателей группы «Освобождение труда», видного народника и деятеля российской социал-демократии, находится в его архиве, переданном в Дом Плеханова в 1945—1946 гг.

Воспоминания о Г. В. Плеханове были написаны Дейчем в 1923 г. за несколько дней до его возвращения на родину из эмиграции. Вероятно, они предназначались для публикации в издаваемом в Берлине русскими социал-демократами журнале «Заря», активно печатавшем материалы о революционных событиях в России. На появление такой статьи в Советском Союзе Дейч, очевидно, не рассчитывал.

В 1922 г. по просьбе Советского правительства (ее инициатором был В. И. Ленин) Л. Г. Дейч вместе с женой Э. М. Зиновьевой-Дейч был командирован в Париж для разбора архива Г. В. Плеханова. Однако его миссия на этом не заканчивалась. Дейч должен был убедить наследников Плеханова (его вдову — Р. М. Плеханову и дочерей — Лидию и Евгению) передать архив Георгия Валентиновича Советскому государству.

Судя по переписке, хранящейся в Доме Плеханова и ЦПА ИТИС, поездка Дейча удалась не полностью. Архив Плеханова оказался намного более содержательным, чем предполагалось, поэтому вместо запланированных двух месяцев командировка заняла почти год. Р. М. Плеханова, глубоко уязвленная многочисленными публикациями в советской прессе, в которых, по ее мнению, искажались не только деятельность, но и идеи Плеханова, наотрез отказалась перевезти архив и библиотеку в СССР. Дейч беспокоил возможный отрицательный результат его переговоров, и он чувствовал неловкость своего положения. Это хорошо прослеживается в его переписке с одним из членов редакции «Зари» А. И. Зунделевичем.

Вместе с тем именно благодаря усилиям Дейча в страну еще до 1928 г. стали поступать рукописи из плехановского архива. Они публиковались в периодических изданиях, сборниках, томах собрания сочинений Г. В. Плеханова.

В 1924—1925 гг. Р. М. Плеханова посетила Советский Союз. Тогда же, вероятно, ею и было принято решение о передаче архива и личной библиотеки Г. В. Плеханова Государственной публичной библиотеке в Ленинграде. При этом было выдвинуто условие, впоследствии, к сожалению, нарушенное нашим государством, — о сохранении целостности архива. Речь идет о том, что с течением времени из архива Дома Плеханова изымались отдельные документы, книги и передавались в другие архивы. Нам кажется, настало время вернуть в Дом Плеханова все то, что было из него изъято по любым причинам и поводам. Это явилось бы знаком уважения к основоположнику марксистского направления в российском социалистическом движении, одному из величайших мыслителей XIX—XX столетий.

Разумеется, со многими оценками публикуемых ниже воспоминаний Дейча, который по ряду основных, принципиальных вопросов расходился с В. И. Лениным, большевиками, вряд ли можно согласиться; тем не менее материал этот представляет несомненный интерес.

Текст рукописи Л. Г. Дейча, вступительная статья и комментарии подготовлены зав. сектором канд. историч. наук **Т. И. Филимоновой** и главным библиотекарем сектора **И. В. Смирновой**.

Г. В. ПЛЕХАНОВ В РОССИИ (1917 г.)

Л. Г. ДЕЙЧ

В ночь на 31 марта 1917 г. огромные массы рабочих, молодежи, общественных деятелей, членов Совета рабочих депутатов и Временного правительства в сопровождении бывшей царской гвардии, с музыкой и красными флагами быстро двигались по улицам столицы в направлении к Финляндскому вокзалу.

Достигнув конечного пункта, этот людской поток заполнил платформу, вокзальные помещения и прилегающую к станции площадь. Несмотря на предрассветный холод, собравшиеся, среди которых многие были одеты не по сезону, терпеливо ждали прихода из-за границы запоздавшего поезда.

Наконец раздался вдали свисток, засветились фонари паровоза, и замедливший ход поезд остановился у платформы. Музыка грянула «Марсельезу», и из груди многотысячной массы вырвались радостные восклицания и приветствия.

Когда затем из вагона в сопровождении жены вышел Плеханов, сотни рук с ликующими улыбками и восторженными глазами протянулись к нему: его обнимали, прижимали, целовали*.

В сбившейся вместе плотной толпе, при непрекращавшихся звуках музыки и радостных возгласах публики, Плеханова, отделенного от жены, повлекли вперед. Жена его, опасаясь за его здоровье, тщетно молила не напирать на него, но голоса ее никто не слышал.

«Из чрезмерной любви ко мне дорогие соотечественники чуть не задушили меня на радостях», — сообщал потом Плеханов, которому от этих приветствий было очень больно, — он не мог дышать, слабым легким его не хватало воздуха, давили на грудь его, он едва не лишился чувств.

В обширной царской зале, куда наконец «дорогие соотечественники» привели Плеханова, полились речи, — говорили: председатель Совета рабочих депутатов Чхеидзе, члены Временного правительства и др. На ликующих лицах многих присутствовавших видно было выражение радости, умиления, а в глазах некоторых стояли слезы восторга.

Затем, несмотря на позднее время и невероятную усталость Плеханова, его повезли прямо на заседание Совета рабочих депутатов, где опять произносились приветствия, повторялись объятия, и еле державшийся на ногах больной гость¹ тем не менее должен был отвечать на эти речи.

Так петроградский пролетариат, войска, интеллигенция и вообще обыватели чествовали возвращение на Родину старого ветерана борьбы за свободу и счастье, прошедшего 37 лет в изгнании и с опасностью для его жизни прибывшего в Петербург**.

В последовавшие затем дни, в течение нескольких недель, в дверях квартиры, в которой поселились Плехановы³, непрерывно раздавались звонки: то являлись самые разнообразные посетители, начиная с членов исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, солдат, матросов и кончая такими лицами, как адмирал Колчак, генералы Алексеев и Корнилов, Родзянко и даже... Пуришкевич⁴.

Со всех концов России ежедневно десятками приходили письма и телеграммы от целых организаций, групп и отдельных лиц со всевозможными пожеланиями, просьбами, предложениями и т. д. Нужно было читать это не прекращавшееся в течение семи месяцев — вплоть до октябрьского переворота — выражение уважения, любви, доверия, восхищения умом Плеханова, его громадными дарованиями и познаниями, с которыми обращались к нему лица, никогда его не видевшие, чтобы убедиться, до какой степени ценили его в самых разнообразных слоях населения страны⁵. Не занимая никакого официального поста, не буду-

* Так в рукописи. — Подгот.

** Спустя несколько недель возвратившиеся с разрешения Вильгельма со всеми удобствами через Германию виднейшие меньшевики опубликовали в газетах за подписями Мартова и старого друга Плеханова — П. Борисовича Аксельрода протест, в котором они выразили свое возмущение по поводу описанного выше чествования «социал-патриота» Плеханова!..² — Прим. Л. Г. Дейча.

чи даже допущен «товарищами» — Даном, Мартовым, Стекловым — в число членов Совета рабочих депутатов⁶, Плеханов тем не менее, не исключая главы Временного правительства, являлся наиболее всех популярным человеком в России, не только среди пролетариата, но также и всех сколько-нибудь демократически настроенных слоев населения всей страны. За исключением незначительной кучки интеллигентов, политических и личных его противников, в состав которой, подобно Бруту, вступил также старый друг и соратник его П. Б. Аксельрод, столь многим ему обязанный, — эти разнообразные слои страны готовы были передать в его руки власть над страной, в глубокой уверенности, что лишь он один сумеет направить разбушевавшуюся стихию в надлежащее русло.

Но, как известно, все те же «товарищи», — из которых иной, как Иуда, лобызал «дорогого гостя» в торжественную ночь его приезда в Россию, — пользуясь своим влиянием в Совете рабочих депутатов, воспротивились решению Керенского, который лично предложил Плеханову принять министерский портфель⁷.

Влияние Плеханова на ход развернувшихся в России крупнейших исторических событий, — надо это признать, — далеко не соответствовало ни его редким, исключительным дарованиям, ни указанной выше огромной его популярности. Для правильного объяснения этого странного, непонятного на первый взгляд факта необходимо, хотя бы в самых общих чертах, коснуться характера, а также и деятельности Плеханова в течение длинного подготовительного периода, предшествовавшего революции.

Излишне, полагаю, останавливаться здесь на юношеских годах Плеханова, — на том отдаленном времени, когда, будучи 19-летним студентом, он смело выступил с речью во время известной первой политической демонстрации, произошедшей на Казанской площади (6 декабря 1876 г.). Не стану рассказывать и о роли его в качестве последователя Бакунина, а также об обнаруженных им уже тогда необыкновенных для юноши его лет изумительных дарованиях, о его обширных познаниях и пр., так как, полагаю, все это давно всем известно. Коснусь только резкого переворота, произошедшего у Плеханова в 80-х годах.

Вынужденный вследствие преследований правительственной эмиграции за границу, Плеханов по приезде в Женеву немедленно отдался целиком основательному изучению произведений Маркса и Энгельса, после чего, как известно, из сторонника Бакунина он превратился в последовательного и непреклонного марксиста. Вскоре затем он вместе со мною, Верой Засулич, П. Аксельродом и В. Игнатовым основал первую социал-демократическую группу «Освобождения труда» (в октябре 1883 г.), поставившую своей задачей распространение научного социализма в России среди рабочих.

Наряду с огромной эрудицией Плеханов с юных лет выделялся необыкновенной ясностью, логичностью мысли, последовательностью и стройностью суждений. Уже тогда он отличался поразительной находчивостью, остроумием и удивительной способностью быстро пользоваться аргументами из имевшегося у него всегда наготове громадного запаса разнообразнейших ссылок, примеров, параллелей. Изумительный спорщик, Плеханов как в устной, так и в печатной полемике с многочисленными противниками разных стран был всегда неуязвим: каждый выходил из турнира с ним с сильно помятыми боками. Уже по одному этому за сорокалетнюю его деятельность у него должно было накопиться немало явных, а в особенности тайных недругов, готовых при всяком случае исподтишка насолить ему.

В течение многих лет Плеханов являлся наиболее, чем кто-либо другой, бдительным стражем чистоты и последовательности научного социализма: известно, сколько усилий и внимания он уделял борьбе с

разного рода «исправителями», «критиками» и «дополнителями» Маркса. Многочисленные полемические его произведения, появившиеся на русском и других языках, имели большое влияние на распространение и укрепление взглядов Маркса и Энгельса во всем цивилизованном мире, в особенности же в России.

Во всех этих произведениях, написанных блестящим слогом, Плеханов стремился содействовать развитию классового сознания рабочих; он также предостерегал своих последователей от всякого рода необычных и нецелесообразных планов. Глубоко поэтому заблуждаются те недальновидные читатели, которые утверждают, будто «Плеханов под влиянием уроков войны и революции несколько изменил свои взгляды», будто «он стал более реалистичным и отказался от многих предрассудков, которые были присущи старому «ортодоксальному» марксизму периода «Искры» и «Зари»*. Такие утверждения совершенно не верны.

От первой своей брошюры — «Социализм и политическая борьба», написанной еще в 1883 г., когда Плеханов только-только выступил на литературном поприще в качестве молодого марксиста, вплоть до последней статьи, продиктованной им, когда его приковал к постели неизлечимый недуг, он в течение почти 35 лет никогда не уклонялся от раз избранного им пути. Не его вина, если читатели — вследствие ли своей неподготовленности или по другим каким причинам — понаоткрывали в его последних произведениях «отказы» и «изменения» прежде высказанных им взглядов. Однако вернемся к развитию социал-демократического движения в России, произошедшему под сильным влиянием Плеханова и его последователей.

Начавшаяся главным образом благодаря распространению в России многочисленных и разнообразных произведений Плеханова и его товарищей усиленная проповедь учения Маркса и Энгельса еще в первой половине 80-х годов, уже к концу прошлого столетия, ввиду совершавшегося быстро промышленного развития страны, дала громадные результаты. Среди рабочих эти взгляды нашли отклик еще в 80-х годах, а к середине 90-х они до того распространились, что это было официально признано самим правительством. Только слепые могли затем не видеть, что страна быстрыми шагами приближается к развязке. Чего не могли достигнуть «народовольцы», сосредоточившие, как известно, все свое внимание на царубийстве, того добилась проповедь марксизма: в России явился значительный контингент рабочих, взявших в свои руки дело завоевания политических прав для всего без различия населения. Таким образом, вполне оправдывалось предсказание, сделанное Плехановым еще в 1889 г., что «русская революция победит как рабочая революция или ее вовсе не будет»⁸. Для этого он считал необходимым еще в первых своих произведениях, кроме развития классового сознания пролетариата также объединение всех демократических сил страны, а не изолированную деятельность одних только рабочих. Не то же ли самое доказывал он в многочисленных своих статьях, написанных им в последний год жизни на родине в «Единстве»?

Громадный природный ум, широко развитый разносторонними знаниями, и глубокое знакомство с экономическими условиями всех стран давали Плеханову возможность быстро и правильно разбираться в самых сложных общественных вопросах и положениях и делать верные выводы из данных обстоятельств. Эти редкие свойства он особенно наглядно проявлял в наиболее серьезные исторические моменты, когда окружавшие его товарищи под влиянием внезапно складывавшихся событий теряли головы и предпринимали нецелесообразные шаги. Напомню здесь, что этой способностью быстрой ориентировки и предвидения

* Источники отрывков, приводимые Л. Г. Дейчем, по-видимому, по памяти, не установлены. — Подгот.

неизбежных последствий Плеханов отличался уже на заре своей революционной деятельности, когда, будучи 22-летним юношей, он на Воронежском съезде предсказал, что террористическая деятельность приведет лишь к гибели существовавшей тогда народнической партии. То же самое неизменно повторялось и во всех последовавших затем фазисах революционной борьбы как в России, так и во всем цивилизованном мире. Приведу лишь несколько наиболее известных случаев.

Когда зимой 1905—1906 гг. «большевики» высказывались за полный бойкот Государственной Думы, а «меньшевики», как всегда, признавали неполное от нее воздержание, Плеханов энергично настаивал на необходимости самым активным образом участвовать во всех фазисах избирательной кампании, а также и в законодательной деятельности Государственной Думы, могущей явиться свободной трибуной для проповеди социализма широким массам населения. Нужно ли напоминать, что и в данном случае правым оказался Плеханов, с чем вскоре согласились и «бойкотисты» всех ступеней.

Далее, находясь в эмиграции, вдали от непосредственной борьбы, один только Плеханов предостерегал революционеров от таких несообразных экспериментов, каким было известное вооруженное восстание, вызванное близорукими агитаторами в Москве в декабре 1905 г.

«Если кто может еще спасти самодержавие,— помню, писал он тогда из Женевы,— так это сами же революционеры несвоевременными возбуждениями к вооруженным вспышкам»⁹.

Последовавшие события — разгон первой и второй Государственной Думы и наступившая затем продолжительная реакция, сопровождавшаяся столыпинским белым террором и черносотенными изуверствами, — вполне подтвердили правильность задолго перед тем сделанного Плехановым прогноза.

В разразившейся жестокой всемирной войне Плеханов, как известно, занял оборонческую позицию. В этом случае, кроме сознания необходимости стать на сторону стран, подвергшихся нападению, им руководило еще глубокое убеждение в преимуществе этой позиции для интересов трудящихся масс не только стран, втянутых в войну, но и нейтральных, так как победа Вильгельма означала бы подчинение наиболее демократических государств гегемонии Германии; явилась бы тогда усиленная эксплуатация трудящихся слоев этих стран немцами, а также погибли бы существующие в них демократические учреждения. В самом деле, если бы рабочие в странах, подвергшихся нашествию немцев, последовали призывам «интернационалистов»¹⁰ не защищаться, это было бы только на руку Вильгельму, — он, несомненно, одержал бы тогда легкую победу над всеми европейскими государствами.

Дальнейшие события также и в этом громадной важности вопросе подтвердили правильность взглядов Плеханова.

Давно страдавший туберкулезом Плеханов проводил зимние месяцы в Сан-Ремо^{**}, где он с напряженным вниманием следил за происходившей в Европе кровавой бойней. Кроме написанных им по этому поводу многочисленных статей на разных языках, он в то время подготовлял известный капитальный труд свой — «Историю русской общественной мысли»¹¹. Но вдруг пришло радостное известие о Февральской революции. Затем он стал получать вместе с многочисленными приветствиями и поздравлениями также настоятельные приглашения от разных лиц немедленно приехать в Россию, так как его присутствие там чрезвычайно необходимо.

Март являлся крайне неблагоприятным временем, ввиду состояния здоровья Плеханова, для предстоявшего ему долгого и тяжелого мор-

* Цитирую на память, но ручаюсь за смысл. — Прим. Л. Г. Дейча.

** Город на севере Италии.

ского путешествия, сопряженного к тому же с огромным риском для его жизни, так как немцы, усиленно практиковавшие в то время подводную войну, постарались бы взорвать судно, которое перевозило бы этого непреклонного их противника. Тем не менее Плеханов, получив вскоре затем приглашение от собравшейся отправиться с поздравлениями делегации Французской социалистической партии поехать вместе с ней в Россию, бросил все свои работы и наскоро, в несколько часов, собрался в путь.

Я находился тогда в Лондоне, на пути из Нью-Йорка¹², в ожидании возможности пробраться в Россию, ничего не зная об этом внезапном решении Плеханова, когда однажды в пасмурный лондонский день получил от него приглашение прийти в гостиницу, в которой он с женой остановился.

Там я нашел моего старого друга, с которым не виделся более восьми лет, в постели, сильно кашлявшим, но очень бодро настроенным и оживленным. В следующие дни погода продолжала быть сырой и холодной. При этих условиях его поездка мне представлялась крайне опасной для его здоровья; я убеждал его поэтому отказаться от нее. С первых же моих слов об этом он сам признал рискованным это предприятие. «Я предчувствую,— сказал он,— что мне не долго прожить в России, но нельзя не ехать: старый воин революции должен быть на посту, раз призывают его».

Мои доводы отложить поездку до более благоприятного времени года также не имели успеха.

Насколько он сам и жена его находили опасным предстоявший им переезд в Норвегию, может служить отчасти доказательством то, что оба они оставили у меня прощальные письма — род завещаний, которые я должен был передать их дочерям в случае их гибели. Но известно, что, хотя и через «смерть», Плеханову все же удалось миновать немецкие подводные лодки.

Приехав в Петроград, неделю спустя после описанной мною выше торжественной встречи Плеханова, я вновь нашел его в постели: его уложили в нее «дорогие соотечественники», не считавшиеся со слабым его здоровьем и задававшие ему непосильный труд.

Кроме чрезвычайно утомлявших его многочисленных посетителей, его чуть не насильно возили на разные заседания Совета рабочих депутатов, а также и на некоторые митинги. Сверх того, ему приходилось откликаться на все злободневные вопросы. Поэтому, лежа в постели, он принимал посетителей, диктовал свои статьи для редактируемой им газеты «Единство» и пр.

Плохое состояние его здоровья являлось одной из главных причин, почему, несмотря на редкие его дарования и популярность, он не имел большого влияния на дальнейший ход Февральской революции: обладая Плеханов физической выносливостью, он мог бы чаще выступать на рабочих и солдатских митингах, и, таким образом, он, несомненно, явился бы идейным руководителем трудящихся слоев населения. В этом я имел возможность не раз убедиться.

Однажды мне пришлось выступить вместе с ним на огромном митинге, состоявшемся на Обуховском заводе¹³, и я видел, в каком восторге от его блестящей речи была многотысячная рабочая масса, какой подъем, воодушевление вызвал он: после долго не смолкавших аплодисментов рабочие вынесли его на кресле из собрания, и при всеобщих радостных криках они пронесли его по улице на огромном пространстве до автомобиля.

Будь Плеханов здоров, он, несомненно, часто вступал бы в непосредственные сношения с рабочими и решительно никто из действовавших тогда в России пропагандистов и агитаторов не в состоянии был бы с ним конкурировать: с юных лет занимаясь с рабочими, он лучше дру-

гих знал, как подойти к ним; он умел, как никто другой, привести удачную иллюстрацию, остроумное сравнение, забавный анекдот, вызвать энтузиазм и вообще повлиять на аудиторию.

Не в меньшей степени был бы за ним обеспечен успех также и среди солдат, если бы здоровье позволяло ему выступать на происходивших в казармах многочисленных митингах, так как эту среду он, как бывший военнослужащий, прекрасно знал еще с отроческих лет.

Но между тем как Плеханов, вследствие все более усиливавшегося болезненного процесса, принужден был неделями не покидать своей квартиры, а то и постели, его противники вели против него усиленную и сознательную кампанию в разных слоях населения. При этом некоторые не останавливались перед любой ложью и клеветой, чтобы очернить его в глазах масс. В течение многих недель на одной площади на Петроградской стороне была специальная трибуна, на которой один за другим выступали жалкие демагоги из числа бывших товарищей с «изобличениями» Плеханова.

Собиравшейся кругом разношерстной публике эти «ораторы» не только в самом извращенном духе излагали взгляды Плеханова, представляя его изменником рабочего класса, подкупленным капиталистами, и пр., но они также сообщали «в качестве очевидцев», будто он имеет собственную «виллу» — словом, по своим привычкам, образу жизни и пр. он настоящий «буржуй»¹⁴.

Известно, что часто повторяющаяся клевета оставляет след, то же было и в этом случае. Наряду с уже упомянутым мною выше фактом, что «товарищи» не допустили Плеханова ни в Совет рабочих депутатов, ни в коалиционное министерство, о чем сообщалось в извращенном виде трудящимся слоям населения, непрерывные устные и печатные нападки на него разных «крайних» должны были произвести на массы свое влияние. «Нет дыма без огня», — вероятно, говорили многие непосвященные во внутренние, скрытые мотивы этой возмутительной травли самого талантливого, наиболее кого-либо другого из социалистов сделавшего для торжества революции в России мыслителя, борца.

Прикованный болезнью в лучшем случае к своей квартире, Плеханов не имел ни возможности, ни желания отзываться, опровергать сыпавшиеся по его адресу инсинуации, клеветы и даже просто брань: его всецело занимала другая, более серьезная задача. «Пусть запятнают мое имя, — говорил и писал он, — но пусть русская революция восторжествует; пусть она не будет раздавлена под пятой германского империализма».

И он изо дня в день в своих статьях указывал, при каких обстоятельствах может восторжествовать революция, а страна быть спасенной от разгрома. Ввиду того что доводы его до сих пор не потеряли своего значения и очень мало известны широким слоям, я позволю себе привести некоторые выдержки из его статей в «Единстве» — органе, выходившем под его редакцией в 1917 г.

«Спаси революцию от крушения*, — писал он в № 91¹⁵, — может только такая революционная власть, вокруг которой сомкнутся все живые, то есть не реакционные, элементы населения». Ввиду этого он обращался с такими призывами: «Расширяйте социальную основу своей политической власти, привлекайте в свою среду действительных представителей торгово-промышленного класса. Сим победите!» (№ 129)¹⁶. В качестве неизменного последователя Маркса и Энгельса Плеханов вслед за этими своими учителями считал необходимой коалицию, раз производственные условия не допускают еще диктатуру пролетариата. Поэтому он писал:

* Дейч приводит цитату не совсем точно. В газетном тексте после слова «крушения» следует «а государство от Временного правительства». (Далее по тексту). — Ред.

«Коалиция нужна для избежания гражданской войны. Коалиция нужна для упрочения того, что было завоевано революцией. Коалиция нужна для устранения той грозной хозяйственной разрухи, борьба с которой не может быть успешно ведома силами одной революционной демократии»¹⁷.

Как для всякого истинного марксиста, так и для него «хозяйственная жизнь» являлась главным фундаментом; поэтому он был вполне прав, когда писал, что «развал этого фундамента грозит гибелью всему общественному делу, и прежде всего существующей в стране политической власти»¹⁸.

Как во многих других случаях, на что я уже выше указал, Плеханов также и в 1917 г. раньше кого-либо другого предвидел неизбежные последствия «хозяйственной разрухи» и изолированного положения крайних элементов, от чего он заблаговременно предостерегал своих слушателей и читателей.

«Хозяйственная разруха,— писал он в № 136 «Единства»,— легко может оказаться могилой русской революции. Ставя себя в изолированное положение и тем самым взваливая исключительно на свои плечи задачу борьбы с хозяйственной разрухой, революционная демократия очень сильно рискует нанести революции смертельный удар». Немного далее в той же статье он заявляет, что «революционная демократия одна не справится со своими задачами..* И это будет бедой, непоправимой роковой бедой, которая вернет нас к разбитому корыту»¹⁹.

Невозможно привести даже наиболее характерные аргументы из его статей в защиту отстаиваемых им взглядов. Остановлюсь поэтому только на некоторых еще устных доводах, высказанных им в блестящей речи, произнесенной им на известном Московском государственном соещании (15/28/августа 1917 года)²⁰.

Он начал эту речь с заявления, что «в этот торжественный и грозный час, который переживает в настоящее время Родина, на каждом из нас лежит обязанность выдвинуть не то, что нас разделяет, а то, что нас объединяет». Затем, обратившись направо, где сидели представители буржуазии, он сказал: «Граждане, теперь настал момент, когда в интересах всей России и в ваших собственных интересах необходимо искать объединения с пролетариатом, необходимо искать сближения с рабочим классом...» Далее он объяснил, почему это необходимо. «Русская промышленность,— сказал он,— может развиваться только в том случае, если торгово-промышленный класс поставит перед собой задачу осуществления широких социальных реформ... Перед Россией в настоящее время стоит великая задача развития ее производительных сил... Страна, в которой производительные силы стоят на низкой ступени развития, никогда не способна ни к политическому, ни к экономическому, ни к социальному прогрессу... Во всякой современной стране, самой могучей, самой драгоценной и единственно неизменной производительной силой является ее рабочий класс, ее трудящееся население. Если России в самом деле суждено поднять свои производительные силы на уровень передовых стран Запада, то это может случиться лишь в том случае, если широкая система социально-политических реформ подымет рабочий класс из того жалкого положения нищего раба, в котором он находится до сих пор к своему горю и позору...»

«...В настоящее время невозможна экономическая жизнь сколько-нибудь планомерная и сколько-нибудь плодотворная, невозможна также и борьба с внешним неприятелем без соглашения с крайней революционной демократией».

Напомню теперь, что на этом совещании Плеханов сказал предста-

* В тексте газеты вместо слов «одна не справится со своими задачами» сказано: «она не справится с ними».— Ред.

вителям левых, социалистических партий: «Россия переживает теперь капиталистическую революцию, [а потому] рабочему классу захватывать всю полноту политической власти совершенно неуместно. Не может быть такой капиталистической революции, в которой не было бы буржуазии. Не может быть такого капитализма, в котором не было бы капиталистов... Сообразно с этим надо действовать. Раз нам предстоит еще пережить более или менее длинный период капиталистического развития, то надо помнить, что этот процесс является двусторонним, причем на одной стороне будет действовать пролетариат, а на другой — буржуазия... Тот и другой класс должны искать путь для экономического и политического соглашения». Посоветовав левым не повторять уже сделанных ошибок, избегать повторения и изоляции, а, наоборот, стремиться к тому, чтобы столкнуться с представителями торгово-промышленного класса, Плеханов так закончил свою речь, постоянно прерывавшуюся «бурными аплодисментами»:

«Если же, граждане, — я обращаюсь направо и налево, — если мы не придем к такому соглашению, то что будет? Будет ваша гибель (обращается направо. — *Л. Д.*), — будет ваша гибель (обращается налево. — *Л. Д.*). Будет гибель всей страны. Позвольте напомнить одну ирландскую легенду о двух кошках, дравшихся так упорно и жестоко, что от них остались только хвосты».

Не имею возможности даже вскользь коснуться хотя бы наиболее крупных событий, произошедших летом описываемого года, и сообщить об отношении к ним Плеханова. Ограничусь лишь повторением уже сказанного мною здесь, а именно, что решительно никто другой из тогда находившихся крупных политических деятелей не проявил такой трезвости и дальновидности, как он.

Здесь считаю нужным заметить, что, несмотря на целиком признаваемую мною разумность и целесообразность всех проповедуемых тогда Плехановым взглядов, я вовсе не думаю, что, будь он вполне здоровым человеком и получи он не только министерский портфель, но и безграничную власть даже «диктатора», он мог бы предохранить Россию от дальнейших печальных ее переживаний. Ничего подобного. Слишком сложны были условия, чересчур разнуждались разнообразными элементами в стране, чтобы даже еще больше, чем Плеханов, одаренный человек, был в состоянии дать совершенно другое направление нашей революции. Однако при иных условиях он все же мог бы предохранить от многих крайне печальных фактов, имевших гибельные для России последствия.

Вскоре после возвращения в Россию Плеханов ввиду болезненного своего состояния поселился в Царском Селе, где климат лучший, чем в Петрограде. Там застал его октябрьский переворот, вслед за которым он подвергся грубому возмутительному оскроблению: в квартиру его днем ворвался разъяренный пожилой матрос с искаженной от злобы физиономией, который, нашедши лежавшего в постели больного Плеханова, закричал: «Застрелю тебя! Признавайся: ты был министром?» Не теряя самообладания, Плеханов спокойным тоном ответил: «Застрелить недолго — министром я не был». Не отводя от больной груди его дула револьвера, этот человек-зверь стал с криком требовать выдать ему оружие, повторяя угрозу застрелить. Все так же спокойно Плеханов сказал: «Ищите».

Перерывши затем все ящики, чемоданы и пр. и, конечно, не найдя никакого оружия, этот свирепый матрос, наконец, удалился²¹.

Нетрудно представить себе, какое тяжелое впечатление произвел на Плеханова этот «визит»: находиться в течение нескольких минут под дулом револьвера — значило быть на волос от смерти.

Как потом подробно рассказал мне Плеханов, он считал себя уже обреченным и думал лишь о том, чтобы сохранить самообладание, не терять спокойствия, что, по словам присутствовавшей при этой ужасной сцене жены его, ему вполне удалось. Но эти несколько минут несомненно ускорили ход легочного процесса, приблизили его смерть.

Так один из трудящихся слоев, «пролетариев», вознаграждал основателя русской социал-демократической рабочей партии за то, что он всю жизнь свою посвятил делу их освобождения! Было над чем думать со скорбью в сердце старому борцу, прикованному к постели с момента посещения этого «гостя».

Больного Плеханова в санитарной карете с большими предосторожностями товарищи перевезли затем в Петроград, где поместили его во Французской лечебнице, в надежде, что в ней он будет гарантирован от нападения, подобного описанному.

Более Плеханов уже не вставал с постели. Он чувствовал себя очень скверно, но наружно старался не проявлять своего состояния: Плеханов, как известно, был чрезвычайно гордым человеком, к тому же он умел владеть собою — только очень близкие люди, знавшие его в течение многих лет, могли угадывать его настроение.

Два с чем-то месяца пробыл он во Французской лечебнице, но условия в ней были крайне неблагоприятны для легочного больного. К этому вскоре присоединилось известное возмутительное убийство матросом бывших министров Временного правительства — Шингарева и Кокошкина, находившихся на излечении в Надеждинской больнице. Жена, а также и мы, друзья Плеханова, вследствие этого ужасного происшествия крайне встревожились за его участь. После некоторых колебаний было решено перевезти его в Финляндию, в санаторию, расположенную в верстах 60-ти с чем-то от Петрограда.

В очень скверную погоду, крайне неудобным способом, вследствие наступившей почти полной разрухи в перевозочных средствах, Плеханов доставлен был в финляндскую санаторию в Питкеарви, находящуюся на проселочной дороге в 12 километрах от железнодорожной станции Териоки²². Этот тяжелый для опасно больного переезд в плохой зимний день еще более ухудшил состояние здоровья Плеханова. К тому же к физическим мукам, испытываемым им в этой санатории, присоединились также психические.

Дело в том, что, решая устроить Плеханова в Питкеарви, мы имели в виду путем частых посещений держать его в курсе всего происходившего в стране, так как, несмотря на сильно развившийся легочный процесс, он не переставал с напряженным вниманием следить за тяжелыми событиями, совершавшимися в горячо любимой им «многострадальной» России. Между тем вслед за перевозом его в Финляндию там тоже разразилась гражданская война; поэтому сношения между нею и Россиею были до крайности затруднены. Плеханов с женой оказались почти совершенно отрезанными от Петрограда — к ним очень трудно было добраться, они не могли даже регулярно получать русских газет.

Лишь в феврале 1918 г. из всех близких товарищей Плеханова только мне удалось раздобыть разрешение от советских властей на поездку к нему. Моему приезду он и Розалия Марковна очень обрадовались. Я нашел Плеханова сильно изменившимся — чрезвычайно ослабевшим: он не мог уже даже сам переворачиваться на постели с боку на бок. Температура у него была постоянно очень высокая. Тем не менее ему не изме-

нили ни присущая ему ясность ума, ни колоссальная память, остроумие и готовность к обмену [мнениями] по самым разнообразным вопросам. Несмотря на запрещение врачей вести длинные беседы, он не только засыпал меня всевозможными вопросами о том, что происходит в Петрограде, но и сам, увлекаясь, много говорил, — делился своими мыслями с услышанным от меня, высказывал свои соображения по поводу последних политических событий и неоднократно восклицал: «Да, пропала Россия! Да, пропала Россия!» Затем он напомнил нам рассказ Глеба Успенского, в котором статистик, подсчитывающий количество крестьянского скота, время от времени срывается с места и, шагая из угла в угол, восклицает: «Две трети коровы, — пропала Россия». Вновь подведя итог, он снова бежит по комнате, крича: «Пропала Россия!»

«То же и я теперь повторяю», — с горькой улыбкой говорил он нам. Несмотря на ужасное физическое и моральное свое состояние, он не переставал иронизировать, острить и пересыпать свою речь соответственными иллюстрациями и ссылками на разных авторов.

Мир, заключенный с немцами в Брест-Литовске, Плеханов считал позорным и гибельным для России. Однако по присущей ему дальновидности, не оставлявшей его в самые тяжелые моменты его болезни, он возлагал надежды на предполагаемую им победу Антанты благодаря присоединению Северо-Американских Соединенных Штатов. «В этом случае, — говорил он, — не все еще будет потеряно для России, хотя факт измены союзникам остается навсегда позорным».

В этот приезд я недолго оставался у Плехановых, — разные обстоятельства требовали моего возвращения в Петроград, но, уезжая, я обещал вновь приехать и уже на более продолжительное время.

Мне действительно удалось в марте опять получить разрешение на въезд в Финляндию. В этот раз я нашел Плеханова еще в худшем, чем раньше, состоянии: у него появилось сильное кровохарканье.

Я и жена его не отходили от его постели. Невыразимо тяжело было видеть испытываемые им страдания. Плеханов знал, что приближается развязка, которую он предвидел, будучи в Лондоне. Мы старались ободрить его, что с наступлением весны произойдет улучшение в его состоянии, но он мало этому верил.

Душевное его состояние было удрученное, придавленное: он ясно видел, что страну ведут к разорению, к гибели, что предстоят бесконечные мучения и страдания. Временами он высказывал мне, видимо, крайне угнетавшие его мысли, — не рано ли началась в отсталой, полуазиатской России проповедь научного социализма?

За вычетом приступов удушья, Плеханов, как и в первый мой приезд, не переставал интересоваться решительно всем, заслуживавшим внимания. Он расспрашивал меня не только о сколько-нибудь крупных обстоятельствах и фактах, но и о тех или иных лицах, и, несмотря на запрещения врачей, продолжал сам рассказывать о многом из богатого его прошлого, о своих встречах с известными деятелями — с Энгельсом, Либкнехтом, Бебелем, Адлером²³ и др. При этом, конечно, как он всегда это делал, серьезное перемешивалось у него с комическими эпизодами, курьезами и пр.

Утомляясь беседами, он просил меня читать вслух Лескова, Чехова, Мопассана, причем всегда прерывал мое чтение изумительно меткими замечаниями, дополнениями и иллюстрациями. Это были в своем роде интереснейшие лекции по всемирной литературе.

Я проводил у его постели с утра до того вечернего часа, когда его необходимо было приготовить на ночь. Так продолжалось в течение нескольких недель. Я ужасно жалею, что невозможно было тут же записывать все, что мне приходилось услышать от Плеханова. Возвращаясь в свою комнату, я иногда, — чего, к слову, никогда ни до того, ни после

не делал, — записывал некоторые наиболее меткие его характеристики современных деятелей — Ленина, Троцкого²⁴, Мартова, Дана, Аксельрода. Если бы возможно было воспроизвести, собрать вместе все мною тогда от него узнанное, — его рассуждения, отзывы, воспоминания, характеристики и пр., — это могло бы составить обширных размеров, к тому же редкую по богатству, разнообразию содержания и интересу книгу, — быть может, одну из наиболее занимательных во всемирной литературе.

В разных обстановках мне и раньше в течение многих лет неоднократно приходилось беседовать с Плехановым наедине или слышать его разговоры с другими, его речи, доклады и пр. на всевозможных собраниях, но никогда прежде его сообщения не являлись столь замечательными — оригинальными и захватывающими по содержанию, в особенности же — по манере, тону их изложения. Это станет вполне понятным только, когда перенесемся мысленно в ту великую и вместе страшную эпоху, переживавшуюся всем цивилизованным человечеством: война еще не закончилась, коммунизм только нащупывал почву, и в это время в отрезанной от всего мира санатории, одиноко стоящей в лесу, лежит прикованный к постели крупнейший из русских мыслителей, обладающий колоссальным умом, обширнейшими познаниями, феноменальной памятью и изумительной наблюдательностью. Человек, всю жизнь привыкший с утра до полуночи умственно работать, делиться в печати и устно своими взглядами, оказался вынужденным проводить дни и ночи в полном бездействии. Между тем в колоссальном уме его непрерывно происходила интенсивная работа, рождалась бесчисленная масса мыслей, соображений, воспоминаний. В течение многих лет накопившиеся у Плеханова разнообразнейшие знания, далеко не вполне использованные раньше, обильные впечатления о многочисленных встречах, разные жизненные переживания, — все то, что раньше вследствие ежедневных занятий, забот, стремлений откладывалось до другого, более свободного времени, теперь рвалось у него наружу. Он словно торопился поделиться всем тем, чего он раньше не успел сообщить другим, чтобы не унести этого с собой в могилу. Этим, мне кажется, нужно объяснить упомянутый мною выше особенно интимный тон его сообщений.

Даже когда после сильного кровохарканья Плеханову категорически запрещено было врачами в течение суток произнести хотя бы несколько слов, он не мог удержаться от обмена мыслями со мною. Для этого он прибегал к бумаге, на которой задавал мне разные вопросы и излагал некоторые взгляды, а также делился своими мнениями о разных лицах. Эти листки, являющиеся последней рукописью Плеханова, конечно, сохраняются мною; и при случае я опубликую их.

К концу марта положение в Финляндии становилось все тревожнее и тяжелее: происходившая кругом гражданская война угрожала принять грозный характер: нередко санатория со многими больными оставалась без необходимейших продуктов, вследствие невозможности приобрести их или ввиду конфискации их то одной, то другой из воевавших армий. В это время мне вновь необходимо было вернуться в Петроград как по своим делам, так и для того, чтобы привести оттуда некоторые продукты и медикаменты для Плеханова. Но, уезжая, я в сильной степени беспокоился, удастся ли мне к ним вновь приехать.

Уже на следующий день оказалось, что мои опасения были вполне основательны: белые повсюду в Финляндии одолели красных, после чего надолго прекратились всякие сношения с Советской Россией. Поэтому не только невозможно было воехать в Терйоки, но нельзя было даже

обменяться письмами,— мы с Плехановым оказались совершенно поэтому разобщенными.

Неимоверно тяжело было представлять себе изо дня в день ухудшавшееся состояние Плеханова и, следовательно, все более быстро приближавшуюся развязку в отдаленной, совершенно изолированной санатории, без всяких известий о происходящем вне стен ее, терпя к тому же разные лишения. В течение двух-трех недель не было даже известно, жив ли Плеханов.

В первых числах июня каким-то чудом добравшаяся из Финляндии в Петроград дама протелефонировала мне, что Плеханов скончался 30 мая; при этом Розалия Марковна просила передать мне, чтобы я добыл разрешение перевезти тело ее мужа в Петроград, ввиду желания умершего быть похороненным на Волковом кладбище вблизи Белинского.

Несмотря на постоянное ожидание подобного сообщения, все же это известие ошеломило меня.

Три дня затем пришлось мне провести на пограничной с Финляндией Белоостровской станции, пока удалось дать знать Розалии Марковне, что нет препятствий для привоза умершего Плеханова в Петроград.

На том же Финляндском вокзале, на котором, как я вначале сообщил, 14 месяцев перед тем огромные массы разных слоев с восторгом встречали возвратившегося из изгнания Плеханова, теперь небольшая кучка близких друзей и почитателей ожидала прибытия деревянного гроба с бальзамированным телом его.

Советская власть, как известно, отдала распоряжение, чтобы рабочие не принимали никакого участия в похоронах Плеханова ввиду занятой им в последние годы позиции. Наиболее сознательная часть пролетариата не последовала этому распоряжению, и гроб его провожала огромная масса людей. Все же надо признать, что в похоронной процессии участвовала небольшая часть трудящихся слоев населения столицы²⁵.

В лице Плеханова всемирный пролетариат потерял одного из самых крупных и наиболее талантливых своих защитников. Между тем только незначительная горсть трудящихся знает его и то лишь по имени. В этом заключался трагизм его положения в последний год его жизни, со времени возвращения на родину. Но роль его произведений впереди. Об их наиболее широком распространении среди трудящихся масс позаботятся его друзья и последователи.

Лев Дейч

22-III-23

Берлин

ГПБ АДП, ф. 1097, оп. 1, д. 106.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С 1887 г. Плеханов был болен туберкулезом горла.

² Мартов Л. (Цедербаум Ю. О., 1873—1923) — к 1917 г. один из лидеров меньшевизма. Статью, подписанную совместно Л. Мартовым и П. Б. Аксельродом (1850—1928), в которой они критически отзываются о встрече Плеханова в Петрограде, найти не удалось. Вероятно, Л. Дейчем допущена неточность. Возможно, он имел в виду телеграмму Л. Мартова, опубликованную в «Рабочей газете» (11 апреля 1917 г.) под заголовком «Задержание эмигрантов». Назвав Плеханова «сторонником империализма», Мартов выражал возмущение по поводу той помощи, которую оказали Плеханову общественные и политические деятели разных стран, включая Россию, для скорейшего возвращения на родину, и сетовал на трудности, вставшие перед «интернационалистами».

В Петроград Плеханов прибыл вместе с группой английских и французских социалистов, в которую входили: В. Торн, Д. Сандерс, М. Кашен, Э. Лафон, М. Мутз, Дж. О'Греди. Путешествие по Балтийскому морю было опасным, поскольку Германия, обладавшая мощным флотом, уже объявила подводную войну странам Антанты.

По сообщениям французской печати, Плеханова встречали более 20 тыс. человек.

³ По приезде в Петроград Плехановы остановились по адресу: Басков пер., 38, на квартире Н. И. Иорданского (1876—1928), редактора журнала «Современный мир». В 1917 г. Иорданский входил в группу «Единство». После смерти Плеханова — член комитета по увековечению его памяти.

⁴ Колчак А. В. (1873—1920) — адмирал, один из главных организаторов контрреволюции в гражданскую войну. Алексеев М. В. (1857—1918) — генерал, в марте—мае 1917 г. верховный главнокомандующий, после Октября возглавил белогвардейскую Добровольческую армию. Корнилов Л. Г. (1870—1918) — генерал, один из руководителей российской контрреволюции. Родзянко М. В. (1859—1924) — один из лидеров октябристов, в 1917 г. председатель Временного комитета Государственной Думы. Пуришкевич В. М. (1870—1920) — один из лидеров правых во II—IV Государственных Думах. После Февральской революции выступал за восстановление монархии.

⁵ Сразу после Февральской революции на имя Плеханова в Сан-Ремо стали поступать многочисленные телеграммы, призывавшие немедленно вернуться на родину. Следи свои приветствия интеллигенты, рабочие, государственные и политические деятели. На протяжении месяцев газета «Единство» — орган одной из социал-демократической группы (издавалась с марта 1917 г. по январь 1918 г.) публиковала их практически ежедневно. Общую идею всех посланий отражает одно из них, помещенное в № 49 газеты от 27 мая 1917 г.: «...Идея «Единства», выразителем коей является Вы, а вместе с тем и основанная Вами газета, — залог общего умиротворения... Ваш призыв во имя скорейшего мира к идейной войне с очагом милитаризма служит к предотвращению в будущем самоистребления и безумных трат на вооружение и способствует разрешению культурного назначения человека...»

⁶ Дан (Гурвич) Ф. И. (1871—1947) — один из лидеров меньшевизма. В 1917 г. — член Исполкома Петроградского Совета и Президиума ЦИК I-го созыва; Стеклов Ю. М. (1873—1941) — социал-демократ, в 1917 г. стоял на позициях революционного оборончества, был членом Исполкома Петроградского Совета. Позднее перешел к большевикам.

9 (22) апреля 1917 г. состоялось учредительное заседание социал-демократической группы «Единство», председателем которой был избран Г. В. Плеханов. Группа обратилась в Петросовет с просьбой обеспечить ей представительство. Исполком Петросовета, вопреки решению Бюро Исполкома, отклонил эту просьбу.

⁷ 21 и 22 июля 1917 г. московские и петроградские газеты опубликовали сообщения о вступлении Г. В. Плеханова в состав Кабинета министров (ему был предложен пост министра торговли и промышленности). Ввиду того, что многие из них были неточными, Бюро ЦК Всероссийской организации «Единство» в «Бюллетене № 1» от 6 (19) августа 1917 г. выступило со следующим заявлением: «Бюро считает нужным сообщить, что переговоры эти действительно велись и непосредственно Керенским. (Встреча Г. В. Плеханова и А. Ф. Керенского состоялась 22 июля 1917 г. — Подгот.) Г. В. Плеханов от вступления в министерство не отказался, предупредив только, что Керенскому придется в этом случае встретиться с оппозицией Советов. Керенский, как видно, с этой оппозицией посчитался, ибо практического результата от переговоров не последовало. Циммервальдисты, руководящие в Советах, заявили, что предпочитают в министерстве 10 «буржвев» одному Плеханову» (ГИБ АДП, ф. 1093, оп. 5, д. 491, л. 2).

⁸ Л. Г. Дейч неточно цитирует выступление Плеханова на I учредительном конгрессе II Интернационала, проходившем в 1889 г. в Париже (см. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5-ти т. Т. 1. М., 1956, с. 419, 421).

⁹ В данном случае Дейч передает мысль Плеханова, неоднократно проводимую им в работах периода первой Российской революции. — он подчеркивал «рискованность той, — как выражался Маркс, — игры, которая называется вооруженным восстанием» (Плеханов Г. В. Соч., т. 15. М. — Л., 1926, с. 12). Плеханов писал: «...Вооруженное восстание дело нешуточное, от него зависит вся дальнейшая судьба движения, и потому легкомысленная болтовня о нем составляет настоящее преступление перед революционным пролетариатом. Между тем некоторые наши товарищи обнаруживают в этом случае почти невероятное легкомыслие. Их головы превратились в своего рода «органчики», наигрывающие одну только арию вооруженного восстания. В этом восстании для них заключается альфа и омега всей тактической мудрости. Но именно благодаря этому их тактическая мудрость становится тактическим безумством» (Там же, т. 13, М. — Л., 1926, с. 354).

¹⁰ В период первой мировой войны «интернационалистами» называли тех

представителей международного социалистического движения (в том числе большевиков), которые, объявив войну империалистической со стороны всех участников, требовали ее немедленного прекращения и заключения мира без аннексий и контрибуций. Как и всякое политическое течение, «интернационализм» не был однороден.

Плеханов неоднократно резко критиковал действия и лозунги «интернационалистов», считая, что их требование о заключении мира без аннексий и контрибуций исключает возможность конкретно-исторического анализа и потому не достигает главной цели — устранения причин, способных привести к новой, еще более разрушительной войне.

¹¹ В 1909 г. по предложению петербургского издательства «Мир» Г. В. Плеханов начал работу над капитальным трудом «История русской общественной мысли». Намечалось написать книгу объемом 46 печатных листов, охватывающую период с XVIII в. до конца революции 1905—1907 гг. В течение восьми лет, с 1909 по 1916 г., Плеханов написал три тома по истории общественной мысли XVII и XVIII вв. (См. там же, т. 20—22. М.—Л., 1926). Предполагалось, что он напишет еще четыре тома, но работа была прервана известием о революции в России и отъездом на Родину.

¹² Л. Г. Дейч эмигрировал в Америку в 1911 г. После начала первой мировой войны издавал в Нью-Йорке журнал «Свободное слово», освещавший ход войны, жизнь русской колонии в Америке, общественно-политические события в России. После Февральской революции Дейч вернулся на родину.

¹³ Дейч имеет в виду состоявшийся 14(27) мая 1917 г. митинг на Невском судостроительном заводе, который проводила Шлиссельбургская районная организация «Единство». По сообщениям печати, на нем присутствовало до 5 тыс. рабочих. Выступление Плеханова было посвящено вопросам войны и мира, перспективам развития социалистической революции в России, готовности российского пролетариата в ближайшем будущем взять власть в свои руки (см. «Единство» № 41, 17 мая 1917 г.).

¹⁴ Долгое время материальное положение семьи Плехановых было чрезвычайно тяжелым. Достаточно сказать, что в день похорон дочери Машеньки (она умерла в возрасте 5 лет от менингита в 1894 г.) в квартиру Плехановых явились судебные исполнители, с тем чтобы описать имущество за долги.

Начиная с 90-х годов XIX в. семья понемногу начала выходить из нужды. Р. М. Плеханова получила возможность заняться врачебной практикой. В 1909 г. она осуществила свою давнюю мечту — открыла санаторий на берегу Средиземного моря (Г. В. Плеханов из-за тяжести заболевания не мог проводить зимние месяцы в Швейцарии). За недорогую плату Розалии Марковне удалось снять на зимний период небольшой дом в Сан-Ремо и организовать в нем санаторий. Врачами работали сама Розалия Марковна и дочь Плехановых — Лидия Георгиевна, тоже, как и мать, врач-невропатолог.

¹⁵ Автор приводит выдержку из статьи «Соглашение нужно и возможно» (Г. В. Плеханов. Год на родине. Т. 1. Paris, 1921, с. 40).

¹⁶ Статья «А теперь?» (См. там же, т. 2, Paris, 1921, с. 132) написана Плехановым в конце августа, после подавления корниловского мятежа. Основная ее идея — необходимость консолидации демократических сил перед лицом возможной попытки государственного переворота и грозящей России экономической разрухи.

¹⁷ Дейч приводит выдержку из статьи «Зачем нужна коалиция» (Год на родине, т. 2, с. 150), опубликованной накануне Демократического совещания. Вновь и вновь настаивая на создании коалиции, на необходимости «в определенных пределах» компромисса между пролетариатом и буржуазией, Плеханов призывает революционную власть вести страну к упрочению завоеваний революции. Основа этой власти, считал он, — единение всех прогрессивных, не стремящихся к восстановлению монархии, сил страны.

¹⁸ Там же, с. 151.

¹⁹ Там же, с. 153.

²⁰ Московское государственное совещание состоялось 12(25)—15(28) августа 1917 г. Это была встреча представителей торгово-промышленной буржуазии и русской революционной демократии. Совещание, по мнению Плеханова, должно было определить дальнейшее развитие революции в России. Накануне Плеханов опубликовал статью, в которой, говоря о соотношении сил в стране, подчеркнул необходимость их объединения для решения общенациональных задач, стоящих перед Россией: «...Признавая великое, прогрессивное значение борьбы в ходе развития общественной жизни, необходимо помнить, что ее сознательные участники должны в каждом данном случае стараться поставить ее в такие условия, при которых она была бы действительно плодотворна. «Спор», неодуманно затеянный при неподходящих условиях времени и места, может оказаться «отцом» такой страшной вещи, как гибель целого государства...

Наше спасение не в гражданской войне, а в сознательном, всесторонне обдуманном, планомерном и добросовестном соглашении тех двух классов, совокупные усилия которых одинаково нужны при нынешних конкретных условиях

для экономического обновления России. Горе — утопистам, отказывающимся понять это, — все равно к какому бы классу они ни принадлежали. Лучше было бы им навязать себе камень на шею и броситься в воду» (Там же, с. 78, 81).

Как известно, оценка Плехановым сложившейся ситуации не нашла понимания, в том числе среди пролетариата, у части солдатских масс. Позиция большевиков изложена в известных ленинских статьях того периода.

Плеханов прибыл на Государственное совещание по приглашению Керенского. Речь Плеханова в сокращении и полностью широко публиковалась в печати. В книге «Год на родине» текст речи Плеханова приводится в сокращенном варианте, напечатанном в № 117 газеты «Единство» (См. там же, с. 100—108).

²¹ На автографе сохранилась приписка рукой Р. М. Плехановой: «Не совсем точно».

²² Ныне город Зеленогорск Ленинградской области. Здание санатория Питкяряви не сохранилось, уцелел лишь фундамент.

²³ Либкнехт В. (1826—1900), Бебель А. (1840—1913) — основатели и руководители Социал-демократической партии Германии, Адлер Ф. (1879—1960) — один из лидеров Австрийской социал-демократической партии.

²⁴ Троцкий (Бронштейн) Л. Д. (1879—1940) — в это время один из лидеров РСДРП(б), сразу после Октября — нарком иностранных дел РСФСР.

²⁵ Несмотря на призыв Петросовета не участвовать в похоронах Плеханова, жители Петрограда, прежде всего рабочие, достойно проводили своего учителя в последний путь. В архиве Плеханова сохранилось более двухсот обращений с просьбой о предоставлении билетов для участия в траурном митинге на Волковом кладбище. В траурной процессии и митинге приняли участие представители всех районных партийных организаций Петрограда.

Гражданская панихида состоялась в здании Вольно-экономического общества, где до середины 20-х годов существовал кабинет Г. В. Плеханова, в котором хранились личные вещи Георгия Валентиновича, книги из его библиотеки, траурные венки.